

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 80 к.

Полугодовое 4 . 50 к.

Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Декабря 18-го дня 1852 года. Производится: *За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, со старшинствомъ:* По Кавалеріи. Состоящій по Кавалеріи и при Штабѣ Начальника Черноморской Береговой Линіи Словеснымъ Переводчикомъ, Поручикъ *ДУ*, въ Штабѣ Ротмистры, съ 25-го Февраля 1852 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности и по Кавалеріи. По Лицѣннымъ Баталіонамъ. Черноморскаго Лицѣннаго баталіона № 7-го, Поручики: *КРАСОВСКІЙ* и *ШМАЛЬ*, въ Штабѣ Капитаны, съ 11-го Іюня 1852 года.

Января 19-го дня 1853 года. Производится: *За отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ.* По Корпусу Инженеровъ Военныхъ Поселеній. 7-го Округа сего Корпуса, кондукторъ *ШВАЙГЕРИТЪ*, въ Баталіонные Инженеръ-Прапорщики, со старшинствомъ съ 8-го Февраля 1852 года. Переводятся. По Пѣхотѣ. Тифлискаго Егерскаго полка Подпоручикъ Князь *ВАЧНАДЗЕ*, въ Самурскій Пѣхотный полкъ. Увольняются: *Въ отпущеніе.* По Пѣхотѣ. Командиръ Егерскаго Генераль-Адъютанта Князь Воронцова полка, Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ Князь *ВОРОНЦОВЪ* 2-й, за границу, на четыре мѣсяца.

ТИФЛИСЪ.

Г. Намѣстникъ Кавказскій, не усматривая надобности въ дальнѣйшемъ существованіи таможенного надзора при мостѣ на рѣкѣ Терекѣ у Шелководской станицы, открытаго, съ разрѣшенія Его Святости, въ августѣ 1851 года, въ видѣ опыта на одинъ годъ, изволилъ сдѣлать распоряженіе о закрытіи онаго.

— По приказанію Г. Намѣстника Кавказскаго учреждается ходъ летучей почты изъ Ново-Баязета до поста Гокчинскаго (при Еленовской станицы), и обратно. На посту же Гокчинскомъ получаемые пость-пакеты и конверты, будутъ присоединяться къ летучей почтѣ, учрежденной въ 1845 году и отправляемой по средамъ изъ Дежурства Штаба От-

Первое отправленіе въ Ново-Баязетъ будетъ 12-го февраля.

— 8-го декабря прошедшаго года, въ 4 часа 55 минутъ утра, въ г. Пятигорскѣ было слышно землетрясеніе. Ударъ и подземный гулъ были непродолжительны, но довольно сильны.

ФЕЛЬДОНЪ.

Настоящую пору въ нашемъ городѣ можно назвать эпохою бенефисовъ. Что день то новый слухъ о новомъ бенефисѣ, что недѣля то являются одна или двѣ огромныя афиши и величественными буквами возвышаютъ о бенефисѣ такого-то или такой-то, и каждый любитель театра, проведя нѣсколько минутъ въ размышленіи объ ожидаемомъ его удовольствіи и обсужденіи вопроса: быть ли не быть, — рѣшаетъ что нельзя не быть, что будутъ все — и театръ наполняется благосклонною публикою, не смотря даже на то, что по благому примѣру актера Иванова — всѣ бенефицианты взыскали цѣны на мѣста.

Бенефисы, русскія и грузинскія представленія, оперы — составляютъ обыкновенный предметъ разговора по всему городѣ, отъ аристократическихъ гостиныхъ до базаровъ, отъ высотъ солмакскихъ до плоскости Кука. Сегодня послѣдній, 24-й, спектакль въ счетъ абонемена — но не послѣдній этого сезона: представленія будутъ тянуться до самаго поста. Внимание всей публики теперь занято толками о постановкѣ на сцену Роберта, о томъ сколько было репетицій и гдѣ они были и кто изъ просвѣщенныхъ любителей музыки принималъ участіе въ водвореніи этого музыкальнаго колосса на нашемъ театрѣ. Будущая судь-

ба у насъ Роберта — живо всѣхъ интересуетъ, знаютъ малѣйшія подробности репетицій, знаютъ, что стоитъ костюмъ Бертрама и другіе, выписанные изъ Парижа костюмы, и какъ, успѣшно или нѣтъ, чудодѣйствуютъ — провали и подъемы . . . все знаютъ! Публика ждетъ Роберта и въ ожиданіи его — хотѣла бы послушать Черенотолу. Опера эта хоть и не лучшее произведеніе Россіи, но благодаря удачному соединенію веселаго сюжета съ веселою музыкою — она выдержала на европейскіхъ театрахъ многочисленныя представленія. Мы же видѣли ее всего два раза, и тѣмъ болѣе хотѣлось бы еще послушать, что исполняется она у насъ очень старательно и довольно удовлетворительно.

Во вторникъ, 10-го февраля, Тифлисъ въ первый разъ услышитъ европейскую знаменитость: Г-жа Кристіани дастъ свой вокально-инструментальный концертъ. Будутъ разыграны всѣми театральнымъ оркестромъ увертюры изъ оперъ Цампа и Eugénie, Г-жа Кристіани исполнитъ молитву и болеро соч. Оффенбаха, финальную арію изъ оперы Луція, серенаду Шуберта и Балалайку соч. Оффенбаха; вромѣ того Г-жа Рамони пропоетъ арію изъ Пуритана, а Г-ль Рамони романсъ изъ оперы Марія Надила. Имя Г-жи Кристіани, участіе въ концертѣ супруговъ Рамони — ручаются за его успѣхъ. Желающіе быть на немъ могутъ заблаговременно приобрести билеты въ магазинѣ Гютиха.

АРМЯНСКІЕ АШУХИ.

Въ послѣднихъ номерахъ „Кавказа“ (*) была помѣщена въ переводѣ съ французскаго статья Эдуарда Дюлорье, о народныхъ пѣсняхъ Арменіи. Въ концѣ ея онъ говоритъ, что одинъ изъ давнишнихъ воспитанниковъ Московскаго Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, поселившійся въ Тифлисъ, занимается собраніемъ народныхъ армянскихъ пѣсень и намѣренъ издать ихъ въ свѣтъ.

Книга эта уже появилась въ печати, и потому мы не нарушимъ тайны, намъ давно известной, если скажемъ, что работалъ надъ нею Ю. Ф. Ахвердовъ. Этотъ трудолюбивый армянофиль задалъ себѣ не легкую задачу — издать если не все, то большую часть пѣсень армянскихъ *Ашуховъ*, — народныхъ пѣвцовъ — импровизаторовъ, такъ сказать — бардовъ армянскаго народа: тѣмъ более, что въ послѣдней половинѣ истекшаго 1852 г., въ Москвѣ, на армянскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Гусаны* (!) т. е. Ашухи, и заключаетъ въ себѣ 46 пѣсней Ашуха Саятъ-Новы.

Съ именемъ этого Ашуха читатели наши уже отчасти знакомы по переводу нѣсколькихъ его пѣсень Я. Полонскаго, помѣщенному въ двухъ первыхъ номерахъ Кавказа 1851 года.

(*) № № 5, 4, 5, 6 и 8.

(!) *Гусаны* — старинное названіе, имѣя *Ашухи*.

Сего дня въ дворянской собраніи табельдотъ и выборъ новыхъ старшинъ, а въ пивецкомъ клубѣ тапшавальный вечеръ. Въ продолженіи масляницы — пивецкій клубъ намѣренъ дать великолѣпный *Val masqué*, съ лотереєю аллегри и другими затѣями.

— Мѣсяца четыре тому назадъ въ нашей городѣ съ большою охотою раскупались билеты лотерей въ пользу Евангелическаго Александринскаго воспитательнаго заведенія для бѣдныхъ дѣтей женскаго пола въ С. Петербургѣ; за билетъ, стоящій рубль, платили по 1 р. 20 к. и по полтора рубль. Съ послѣднею почтою мы получили таблицу номеровъ билетовъ, вышедшихъ при бывшемъ, 30 Декабря, первомъ розыгрышѣ лотереи, и зная, что брашшіи билеты, интересно знать выиграли они или нѣтъ, помѣщаемъ эту таблицу въ приложеніи къ этому М. Имѣющіе выигранные билеты, или желающіе получить свидѣнія объ этой лотереи, благоволятъ адресоваться въ магазинъ И. В. ЮНКЕРА, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Карзинной, въ Москвѣ, прилагая на почтовые расходы и перепику 50 коп. серебромъ. Тамъ же можно имѣть книжку-каталогъ всѣхъ выигранныхъ, назначенныхъ въ лотерею въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, по 1853 годъ. Цѣна каталогу 25 коп. сер., а съ пересылкою 30 коп. серебромъ.

 04105340
 018-1110335

Вышедшая въ свѣтъ книга Ю. Ахвердова замѣчательна, какъ потому что издана на армянскомъ языкѣ,—явленіе въ Россіи весьма рѣдкое, такъ и по внутреннему своему вполне любопытному значенію и достоинству. Издатель не пожалѣлъ трудовъ своихъ, и издатель—Армяне не могутъ не быть ему за то искренно благодарны. Подъ каждою пѣсней, съ полною любовью къ языку и отчетливостію, объяснилъ онъ грамматическія особенности армянскаго тифлискаго нарѣчія, фоническія въ немъ разности произношенія гласныхъ и согласныхъ буквъ, и объяснилъ, для большаго уразумѣнія каждой изъ пѣсней, народныя обычаи и преданія, на кои указываетъ въ самой пѣснѣ. Сверхъ всего этого, пѣснямъ Саятъ-новы предшествуетъ въ книгѣ особое, исношенное самаго живаго интереса предисловіе, въ которомъ, кроме любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ Ашухѣ и его пѣсняхъ, изложенъ историческій взглядъ на образованіе литературнаго армянскаго языка и армянскихъ нарѣчій, а потомъ слѣдуетъ отдѣльно филологическій разборъ грамматическихъ формъ армянскаго нарѣчія въ Тифлисѣ.

Чтобы познакомить читателей нашихъ съ этимъ рѣдкимъ и истинно любопытнымъ явленіемъ, мы представимъ переводъ изъ предисловія г. Ахвердова болѣе важныхъ и общепитересныхъ мѣстъ, и потомъ заключимъ переводомъ нѣсколькихъ пѣсней Саятъ-новы,—этого замѣчательнаго армянскаго барда прошлаго столѣтія. Прочитавши то и другое, сами читатели положатъ мѣру и степень оцѣнки полезнаго и добросовѣстнаго труда нашего тифлискаго литератора.

Извлеченіе изъ предисловія.

Уже нѣсколько лѣтъ я собираю матеріалы, для исторіи быта современныхъ намъ Армянъ. При этомъ я имѣю въ виду вопросъ, какимъ образомъ Армяне сформировали жизнь свою въ разныхъ странахъ, живя между разными народами,—и проявляютъ ли они, оставаясь подъ вліяніемъ другихъ племенъ и окожно принимая вездѣ ихъ привычки, иногда даже и языкъ, такія характеристическія въ своемъ быту качества, которые составляли бы особенность этого народа? Всмотрѣваясь въ этотъ трудный вопросъ, разрѣшеніе котораго требуетъ строгаго изученія народности господствующихъ племенъ, убѣждался я, что прежде всего необходимо—изученіе языка даннаго общества, и съ этою цѣлью приступилъ къ изысканію армянскаго тифлискаго нарѣчія, которыми говорятъ Армяне, живущіе въ Грузіи. Для этого сталъ я собирать армянскія сказки, поговорки, поблюдныя и другія пѣсни, преимущественно же пѣсни народныхъ пѣвцовъ или Ашуховъ, которыхъ произведенія изустно и письменно, болѣе или менѣе, сохранились въ народѣ.

Эти прамудренныя пѣвцы такъ завлекли меня, что изъ всехъ собранныхъ мною матеріаловъ, я прежде всего ихъ произведенія сообщаю моимъ соплеменникамъ, которые, я увѣренъ, порадуются этому подарку и отъ всей души полюбятъ этихъ любимцевъ народа. И какъ не любить ихъ, когда сами они никогда не лишались своей любви окружающихъ ихъ?—на пиршествѣ они увеселяли, въ печали плакали съ народомъ и, при недостаткѣ въ поученіяхъ проповѣдника, они безъ-устали, то ласками и советами, то укоризнами—назидали своихъ слушателей! Живя всегда въ народѣ и съ народомъ, зная ихъ недостатки, будучи обременены ихъ же пороками и послѣ въ сердцахъ ихъ чувства, они изобразили живымъ и стройнымъ словомъ страстныя томленія сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ прямо, смѣло и всенародно они обсыпали укоризнами нечестиваго и пемилосердаго чловѣка. Называя себя всегда слугою народа, они проводили всю жизнь въ пѣснопѣніи и передали намъ страданія своей души и нравы окружающаго ихъ общества,—и поэтому-то изъ двухъ или трехъ ашухскихъ пѣсней мы узнаемъ духъ и вкусъ народа—гораздо болѣе, чѣмъ изъ огром-

ныхъ фолиантовъ. Последнее обстоятельство побудило меня къ изданію пѣсней Ашуховъ, начная Саятъ-новою. Изъ нихъ мы усмотримъ вкусъ народа, стѣнень нравственнаго развитія народныхъ пѣвцовъ и иноплеменное на нихъ вліяніе.

Давно слышу я отъ чужихъ и своихъ упрёки въ томъ, что Армяне лишены поэтическаго элемента, потому только, что не имѣютъ ни цѣльной поэмы, ни народныхъ пѣсней, которыя свидѣтельствовали бы о ихъ поэтическомъ духѣ. Непонятенъ для меня такой рѣзкій отзывъ! Я незнаю еще народа, который не имѣлъ бы пѣсней: и въ радости, и въ печали, онъ не можетъ жить безъ нихъ, и къ Армянамъ не могутъ быть отнесены слова итменскаго поэта: «Злые люди не имѣютъ пѣсней.»

Не можетъ быть, чтобы Армяне, такъ любившіе жить въ роскоши и распространившіе у себя современную персидскую и греческую гражданственность, не имѣли во времена язычества, при своей самостоятельности, поэтическихъ произведеній⁽³⁾,—хотя спиритуализмъ Зороастрова ученія, дѣйствительно, не такъ оплодотворялъ воображеніе, какъ мифологія Грековъ. Такъ же я согласенъ, что въ послѣдствіи, при упадкѣ самостоятельности, обиднѣлъ народный духъ Арменій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не стало въ ней и поэтовъ. Арменія, по своему географическому положенію, была брошена въ такую многосложную политику, что дѣти ея не имѣли ни духа, ни досуга для возбужденія своего вѣнчавшаго воображенія. Но народъ,—собственно масса народа,—всегда имѣла утѣшителя своего сердца, своего пѣвца, Гусана и Ашуха. Эти послѣдніе, съ эпохи язычества до нашего времени, уступая другъ другу мѣсто, оставили воспоминанія о себѣ въ сердцахъ народа, который пребывалъ къ нимъ на столько признательнымъ, на сколько забывалъ пѣсни своего стараго любимца. Такимъ образомъ народныя пѣвцы послѣдовательно лелѣли сердце и слухъ народа, не оставивъ по себѣ ни какого пѣсменнаго памятника, который свидѣтельствовалъ бы о ихъ существованіи.

Одну половину этихъ Ашуховъ составляли слѣпцы, другую безграмотные; слушавшій и любившій ихъ народъ постоянно оставался въ невѣжествѣ, и некому было позаботиться записать прекрасныя произведенія Ашуховъ. Хотя же нѣкоторые изъ Ашуховъ и передали письменно свои пѣсни, но съ одной стороны беззаботность, а съ другой непомыслимая заботливость бабушекъ о своихъ внукахъ,—безъ пощады уничтожали эти, по ихъ мнѣнію, дьявольскія бумаги, изъ опасенія, чтобы внуки ихъ не увлекся искусствомъ отца своего,—такъ какъ привольная и широкая жизнь Ашуха въ народѣ и на площади не соответствовала понятиямъ армянской женщины, для которой домъ и семейство составляють крайнее развитіе ея счастья. Жена умершаго лѣтъ двадцать тому назадъ Ашуха Кичикъ-Новы, опасаясь, чтобы и сынъ ея не пошелъ по слѣдамъ своего отца, который, не живя дома, забывалъ подчасъ и жену, бросаетъ, въ первые же дни траура, въ пылающій огонь тетради пѣсень своего мужа. Тутъ и жена права: Ашухъ,—этотъ слуга народа, не признаетъ дома; домъ его—пиршество и площадь. Такимъ образомъ, для предохраненія дѣтей своихъ отъ страсти къ пѣснопѣнію и неправленію ихъ нравственности,—сколько прекрасныхъ произведеній, быть можетъ, предано огню нашими чадолубивыми матерями! Зная все это, я удивляюсь, какими судьбами сохранилась собственноручная тетрадь Саятъ-Новы, въ недостающихъ листахъ которой, конечно, мудрые пальцы нашихъ добрыхъ старушекъ заботливо берегали домашнія приности.

Не мало досталось этой тетради и отъ дѣтей, которыя, пуская приготовленные изъ оборванныхъ листовъ змьи, много утѣхъ доставили вътрамъ сладкозвучными пѣснями своего дѣда. Что дѣлать! Мы должны повторить изстари оставшуюся жалобу предковъ: «все отъ безграмотности!»

У Армянъ любознательный грамотный чловѣкъ, уходя отъ многострадальнаго народа, поступалъ въ монастырь, гдѣ находилъ досугъ и средства для утоленія своей жажды къ знанію. Истощая свои способности на толкованіе Священнаго Писанія, онъ проводилъ дни свои въ диспутахъ и въ разрѣшеніи богословскихъ утонченнѣхъ вопросовъ. Изъ нихъ, одаренный поэтическимъ чувствомъ, слагалъ тѣ священныя, словно изъ жемчуговъ нанизанныя, гимны, когорые и теперь умѣляютъ очерствѣвшее сердце наше,—и, издали видя плачевное положеніе братьевъ своихъ, чтобы отвести душу,—записывалъ, безъ гнѣва и пристрастія, страданія своего отечества. Такимъ образомъ, постоянныя гоненія образовали въ монастыряхъ другаго рода народныхъ поэтовъ—летописцевъ. Но и ихъ строгій нравъ возмущался отъ мірскихъ разгульныхъ пѣсней,—и потому наша заботливая церковь, сохранившая столько прекрасныхъ памятниковъ для своего народа, не оказывала никакого состраданія къ народнымъ поэтическимъ произведеніямъ. Она дѣлала это изъ любви къ народу—и, въ священную своей ревности, эти прекрасныя пѣсни считала плодомъ дьявольскаго наводненія. Этотъ взглядъ на вещи, вышедъ изъ монастыря, утѣждался въ народѣ—и въ особенности между Ашухами, которые хотя и знали, что слово ихъ приноситъ только блаословеніе, но призваніе свое считали всегда чувственнымъ и грѣховнымъ, и потому всегда, во искупленіе грѣховъ своихъ, они називно проситъ слушателей о помилованіи;—даже самъ Ашухъ, напѣвая пѣсню своего товарища, никогда не забудетъ обратиться къ Господу, о спасеніи души ея слагателя. Болѣе же религиозныя изъ этихъ Ашуховъ, считая свой богатый языкъ съ начала вѣковъ предназначеннымъ только для восхваленія въ гимнахъ Создателя и Святыхъ Его, слагали на Армянскомъ языкѣ только религиозныя и нравочительныя пѣсни и, изъ опасенія осквернить святость роднаго языка, воспѣвали отраду и страданія сердца на языкѣ персидскомъ, татарскомъ или турецкомъ. Блѣдые наши Ашухи, согрѣвая сердце любовью къ Господу, изуряли себя семилѣтнимъ постомъ въ честь Юанна Претечи, ходили по обѣту на поклоненіе мѣстамъ, чтимымъ еще предками ихъ въ язычествѣ⁽³⁾, цѣлуя камни, съ священнымъ трепетомъ приближались на колѣнахъ къ мощамъ посредника между Богомъ и чловѣкомъ,—Юанна Крестителя⁽⁴⁾, и съ молитвой на устахъ просили у него мудрости и дара пѣснопѣнія—и для чего? чтобы увеселить иноплеменниковъ своими прекрасными пѣснями, сложенными ими на иноплеменномъ языкѣ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они часто исполняли и долгъ апостольскаго призванія: обоготельство, достойное удивленія! Не зная шемени и будучи болѣею частью слѣпцами, они выучивали на память все Священное Писаніе и Коранъ, съ сазомъ⁽⁵⁾ въ рукъ—они вступали въ состязаніе съ мухаммеданскими учеными,—вдохновляемые свыше и помня имя своего патрона (Юанна Крестителя), въ этихъ поэтическихъ и религиозныхъ диспутахъ они брали верхъ не надъ однимъ Алимомъ и Ахундомъ! и такимъ образомъ раскростаняли смѣло между мухаммеданами христіанскій духъ и Евангельскую притчу.

⁽³⁾ Въ монастырь во имя Крестителя, въ Мушь.

⁽⁴⁾ Зеновъ, писатель IV вѣка. Исторія Гарона (тепершняго Мушскаго пашалыка). Венеція, 1852 стр. 8 (на Армянскомъ языкѣ).

⁽⁵⁾ Музыкальный инструментъ съ металлическими струнами, употребляемый преимущественно Ашухами.

⁽³⁾ П. Эмиль, Пѣсенныя сказанія древней Арменіи. Москва, 1850 (на армянскомъ языкѣ).

Но, удыляя чужимъ плоды своего вдохновения, Ашухи наши не могли не поддаться влиянію турокъ, татаръ и въ особенности персіянъ, которые долго руководили нашимъ вкусомъ и вообще имѣли сильное влияние на бытъ Армянъ. Напѣвы, стихотворныя формы и обороты рѣчи армянскихъ пѣсней попадаютъ и между персіянами, отъ которыхъ вѣроятно, позаимствовали ихъ наши Ашухи. Но это мнѣніе, по видимому не нуждающееся въ доказательствахъ, все-таки не можетъ служить авторитетомъ, пока не будутъ изслѣдованы и точно опредѣлены формы, употребляемыя персидскими поэтами. У персовъ и татаръ большая часть Ашуховъ были Армяне, изъ нихъ многіе слагали свои пѣсни только на ихъ языкъ, а потому невозможно, чтобы они не распространили между этими иноплемениками напѣвовъ и стихотворныхъ формъ, ими изобрѣтенныхъ. Мы знаемъ, какъ армянскіе Ашухи, начиная свое поприще пѣснями, сложными ими на татарскомъ языкѣ, при обыкновеніи поминать въ концѣ пѣсни и себя, не называли своего собственнаго имени, но весьма часто принимали новое прозвище, избирая для этого персидскія или татарскія слова, которыми желали какъ бы выразить отличительный характеръ своихъ пѣсней. Такимъ образомъ попадаютъ Ашухи подъ именами; *Туринджъ* (разочарованіе), *Саятъ* (ловчій), *Ширинъ* (сладкій); иногда къ этимъ наименованіямъ присоединяли слово: *Нова* (горемыка), какъ наприм. *Саятъ-Нова*, *Кичикъ-Нова*; иногда же къ имени прибавляли еще слово *оглы* (сынъ) или *огланъ* (мальчикъ), какъ наприм. *Джамиль-огланъ*, *Джубъ-оглы*; а потомъ имя это, прославившее ихъ татарскими пѣснями, они уже и въ последствіи не покидали и въ армянскихъ пѣсняхъ. Между тѣмъ случалось, что нѣкоторые изъ Ашуховъ, слагавшихъ преимущественно на армянскомъ языкѣ, удерживали свое собственное имя, какъ наприм. *Мэлко*, *Адамъ* и др.

По мнѣнію моему, еще не время опредѣлять, кто изъ этихъ Ашуховъ развился подъ чужимъ влияніемъ и кто остался самобытнымъ. До изданія въ свѣтъ ихъ произведеній, которыхъ очень много, мы не можемъ сказать ничего положительнаго; но пока необходимо знать, что изъ нихъ не все пользуются въ народѣ, но крайній-мѣръ между тифлисцами, одинакимъ почетомъ.

Въ Тифлисѣ, пѣвцы эти, кромѣ слѣсныхъ, выходили изъ сословія ремесленниковъ, которые, любя пѣсни, знали и пѣву пѣвцу. Еще и теперь, въ кругу ихъ найдется много слагателей пѣсней, которые свободное отъ трудовъ время посвящаютъ на развлеченіе своихъ товарищей отъ житейскихъ заботъ. Они болѣею частью безграмотны, а если нѣкоторые и смыслятъ что-либо въ грамотѣ, то развѣ въ грузинской; следовательно, пѣсни ихъ не должны быть принимаемы за литературныя произведенія, ибо все выказанная разговорнымъ языкомъ пѣсни сложены на извѣстные напѣвы, а потому и народъ, охотно усвоивъ ихъ себѣ, сдѣлалъ ихъ народными, если только пѣсня быетрымъ распространеніемъ и сохраненіемъ долгое время въ народѣ — можетъ удостоиться названія *народной*. Какъ бы то ни было, всякій тифлисецъ, почти отъ стара до мала, и въ особенности ремесленникъ, лишь только услышитъ новую пѣсню, тотчасъ перенимаетъ ее и напѣваетъ повсюду — среди трудовъ, въ саду и на улицѣ. Въ лунныя лѣтнія ночи, молодежь, предводимая однимъ изъ нихъ играющимъ на свирѣли, чонгурѣ или тарѣ, оглашаетъ воздухъ звуками любимой пѣсни. Такъ же часто видимъ, какъ зимою восьми-девяти лѣтніе ребятники ремесленниковъ, возвращаясь въ сумерки изъ мастерской домой, засунувъ руки за пазуху и припрыгивая, заливаются пѣсней, подслушанной ими у своего мастера. Прислушиваясь къ нимъ, всякій замѣтитъ, что эти любители пѣсенъ болѣе дорожатъ напѣвомъ, чѣмъ словами, и, при появленіи пѣсни на новый ладъ, старая предается забвенію, такъ

что если бы сами Ашухи не имѣли обыкновенія вставлять въ пѣсню имя свое, то и помину бы не было о ихъ существованіи.

Въ разное время изъ разныхъ мѣстъ получены мною армянскія пѣсни на областныхъ нарѣчіяхъ; считаю долгомъ упомянуть здѣсь имена ихъ слагателей: Саятъ-Нова, Бахдасаръ Каленцъ, Шамчи, Мэлко, Леонъ, Туринджъ, Оксюзъ-Огланъ, Нальбандъ-Оглы, Кобачи, Джаникъ-Нова, Ялкузь, Арутинъ-Бегумъ, Аллаверди, Лаззатъ-Огланъ, Мискинъ-Буржи, Якубъ-Оглы, Аразлу-Саркисъ, Адамъ-азбаръ, Гюрджи-Наве, Наргизъ, Кобачи-Огланъ, Банги, Ширинъ, Ниранъ, Альванъ-Огланъ, Сейтъ, Казакъ, Овсенъ, Иванъ, Оанесъ, Кіананъ, Какобъ, Киміа. Оши изъ нихъ родомъ изъ Тифлиса, Эривани, Ганжи (Елисаветополя) и Шемахи, другіе изъ Моздока и Астрахани.

(Оконч. въ слѣд. №.)

Библиографія.

Записка, представленная въ Кавказскій Отдѣлъ Географическаго Общества объ Историческомъ памятникѣ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской Имперіи. Шопена. С. П. Б. 1852 стр. IX и 1251.

Изданная г. Шопеномъ книга есть явленіе, которое вѣроятно будетъ принято съ удовольствіемъ и даже благодарностію членами нашего Отдѣла. Всемъ намъ къ сожалѣнію извѣстно, какъ трудно соединять служебныя обязанности съ занятіями, составляющими цель учрежденія Отдѣла Географическаго Общества. Усердіе и стремленіе къ пользамъ науки во всѣхъ насъ очень велики, но досуга нѣтъ и по большей части мы принуждены ограничиваться собраніемъ, по возможности, отдѣльныхъ свѣдѣній и частныхъ наблюдений; на окончательную же ихъ обработку не достаетъ ни времени, ни силъ.

Собственный нашъ примѣръ въ этомъ отношеніи долженъ внушить намъ уваженіе къ труду одного изъ предшественниковъ нашихъ, который при обширныхъ и серьезныхъ по службѣ обязанностяхъ, успѣлъ собрать самыя полныя свѣдѣнія о той части Закавказскаго края, гдѣ сосредоточена была его служебная дѣятельность, и подорылъ насъ книгою, заключающею въ себѣ систематическое, вѣрное и въ тоже время занимательное описаніе Области, бывшей предметомъ его изученій.

Область эта называлась въ то время *Армянскою* и возстановленіе имени некогда обширнаго и могущественнаго Государства налагало на г. Шопена обязанность заняться не исключительно описаніемъ страны, завоеванной Русскимъ оружіемъ почти въ его глазахъ, но также обратиться къ исторіи и географіи древней Арменіи, которой новая армянская область составляла только малый осколокъ. Читатели, непосвященные во все подробности древней исторіи народовъ, заслуживаютъ, по крайней мѣрѣ по ихъ многочисленности, нѣкотораго вниманія, и для нихъ-то г. Шопенъ счелъ необходимымъ въ началѣ своей книги поместить взглядъ на древнее состояніе Арменіи. Эта часть его книги не только олобрена г. Академикомъ, которымъ поручено было ея разсмотрѣніе; но совершенства въ этомъ дѣлѣ ожидать было нельзя и не менѣе того для насъ весьма важно имѣть въ первый разъ, хотя и съ нѣкоторыми недостатками, описаніе географіи, исторіи и археологіи древней Арменіи. Самъ же г. Шопенъ въ своемъ предисловіи говоритъ: что твореніе это не для ученыхъ, и безъ него и лучше его знающихъ все то, что въ немъ описано; это родъ практической энциклопедіи необходимыхъ свѣдѣній объ Арменіи; ручная книга для каждаго военнаго и гражданскаго чиновника, призваннаго туда по службѣ, а также справочное мѣсто для путешественниковъ, туристовъ по полямъ арацескимъ.

Скромность эта должна обезоружить крити-

ка, въ особенности если оиъ вспомнитъ, что мы неимѣемъ еще о семъ предметѣ Русской книги, могущей служить полнымъ авторитетомъ.

Но розысканія о древней Арменіи служатъ только введеніемъ къ описанію армянской области, которымъ мы обязаны г. Шопену. Здѣсь уже авторъ извлекаетъ рассказы свои не изъ книгъ, а изъ личнхъ его на мѣстѣ изысканій и наблюдений. Сколько намъ извѣстно, г. Шопенъ намѣренъ былъ издать свою книгу подъ названіемъ статистическаго описанія Армянской Области; но многія обстоятельства, отъ него конечно независящія, заставили его отложить до 1852 года изданіе труда, который былъ совершенно двадцать лѣтъ тому назадъ. Наименованіе не соответствовало уже содержанию и потому г. Шопенъ счелъ нужнымъ издать свою устарѣвшую статистику подъ названіемъ: *Историческаго Памятника*. Въ этомъ видѣ она всегда будетъ имѣть равный интересъ для насъ и для потомства, составляя, какъ объясняетъ г. Шопенъ, родъ инвентаря или передаточной описи, свидѣтельствующей о состояніи Армянской Области въ эпоху ея присоединенія къ Россіи.

Статистика есть любимый предметъ занятій г. Шопена и описаніе армянской области показываешь, что онъ мастеръ этого дѣла. Разсматривавшіе его книгу гг. Академики Кеппель и Броссе нашли, что безъ справки съ нею не можетъ быть принята никакая административная мѣра въ отношеніи къ Арменіи, и эта похвала конечно превосходить все то, что мы могли бы сказать въ ея пользу. Мы не предпринимая здѣсь разбора статистическихъ данныхъ, наполняющихъ эту книгу. Разборъ этотъ требовалъ бы и повѣрки данныхъ, относящихся къ прошедшему времени, и сравненія ихъ съ теперешнимъ состояніемъ бывшей Армянской Области. На все это не достаетъ намъ ни времени, ни матеріаловъ. По важности предмета Отдѣлъ найдетъ можетъ быть полезнымъ возложить этотъ трудъ на тѣхъ изъ нашихъ гг. сотрудниковъ, которые по роду своихъ занятій и по мѣсту служенія имѣютъ наиболѣе къ тому средства. Да позволено намъ будетъ только поздравить Отдѣлъ съ появленіемъ этой книги, по существу своему столь тѣсно связанной съ предметами нашихъ занятій, и передать ему, если можно, удовольствіе, которое намъ доставило чтеніе занимательнаго сочиненія г. Шопена.

Независимо отъ статистическихъ данныхъ и выводовъ, г. Шопенъ, какъ любознательный очевидецъ, помѣстилъ въ этомъ сочиненіи живыя и вѣрныя картины обычаевъ и нравовъ описанной имъ страны и, напримѣръ, описаніе образа управленія Области при Персидскомъ правительствѣ заключаетъ въ себѣ множество малоизвѣстныхъ и занимательныхъ подробностей. Извлечемъ изъ него характеристику послѣдняго Сардаря Эриванскаго Гусейнъ-Хана, который около 22-хъ лѣтъ былъ самовластнымъ хозяиномъ Эриванской провинціи.

«Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ распоряженій послѣдняго Сардаря, полагать должно, что онъ былъ человекъ умный, распорядительный, хитрый и отличный хозяинъ, хотя совершенно безграмотный. Онъ населилъ пустопорожнія мѣста, развелъ сады, рощи, прорылъ новыя каналы и привлекъ изъ разныхъ мѣстъ во вѣрное ему ханство множество жителей. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе во всякомъ промышленномъ предпріятіи, во всякомъ торговомъ оборотѣ; снабжалъ земледѣльцевъ скотомъ, плугами, семенами; купцовъ — деньгами и товарами, и поставилъ Облѣсть въ довольно цвѣтущее положеніе въ сравненіи съ тѣмъ, что была она при его предшественникахъ.»

Нравы и характеры на всемъ востокѣ имѣютъ болѣе или менѣе общія черты. Намъ кажется, что портретъ Сардаря Гусейнъ-Хана изображаетъ въ маломъ видѣ знаменитаго Египетскаго пашу Мегмета-Али, который также

умѣлъ весь подвластный ему край обращать на собственную пользу.

Но Сардаръ Гусейнъ-Ханъ имѣлъ также другіе свойственные восточной администраціи способы обогащать свою казну. Способы эти состоятъ того, чтобы выписать сказанное объ нихъ г. Шопеномъ.

На злоупотребленія своихъ чиновниковъ Сардаръ смотрѣлъ сквозь пальцы и ему нечего было опасаться; чиновники его грабили, но по свойственной имъ алчности никогда не тратили награбленныхъ денегъ: тотчасъ являлись у нихъ деревни, дома, сады и проч. Когда Сардаръ замѣчалъ, что мѣра сипехожденія переполнилась, тяжкая опала постигала лихоимца: все имущество его отправлялось въ сундуки сардарскіе, а имѣнія дѣлались казенными, то есть Сардарскими; годъ или другой, осужденный бродилъ около порога Сардарскаго, билъ челоуъ его любимцамъ и, наконецъ, по доведеніи его въ въ первобытное положеніе, возвращалась на него милость; ему доставляли случай нажитья вновь, чтобы опять впоследствии сдѣлать его нищимъ въ пользу вѣстелина.

Характеристика племя, обитающихъ въ Армянской Области, начертана прекрасно, какъ можно было ожидать отъ человека проницательнаго, долгое время имѣвшаго дѣло съ этими племенами, и мы почти во всемъ раздѣляемъ изложенныя имъ мнѣнія. Не думаемъ однакожъ, чтобы Армяне, которыхъ онъ впрочемъ справедливо признаетъ весьма способными ко всемъ промышленнымъ дѣламъ, были въ то же время, какъ онъ полагаетъ, неспособны къ фабричной и заводской предприимчивости, требующей технической или механической специальности. Объ этомъ, сколько намъ кажется, судить еще рано, и изъ того обстоятельства, что Армяне здѣшняго края не обращались до сихъ поръ къ технологическимъ занятіямъ, нельзя выводить заключеніе, что они къ нимъ не способны. Напротивъ того мы видимъ, что Закавказьемъ почти все мастерства производится исключительно Армянами и что между ними есть весьма искусные люди, которымъ не достаетъ только специальныхъ свѣдѣній, чтобы быть хорошими механиками или технологами.

Но это замѣчаніе неважно и пріятнѣе будетъ дать читателямъ понятіе о вѣрности взгляда и живости пера г. Шопена, когда онъ описываетъ оригинальность мусульманскихъ нравовъ. Вотъ напримѣръ описаніе неудобствъ многоженства.

«Многіе мусульмане, говоритъ г. Шопенъ, называютъ безумными тѣхъ, которые пользуются позволеніемъ Пророка; въ томъ домѣ, гдѣ нѣсколько женъ, если состояніе хозяйна не позволяетъ держать ихъ въ особыхъ отдѣленіяхъ, спокойствіе уже не заглядываетъ; безпрестанныя сплетни, споры, распри, драки требуютъ ежеминутно разбирательства мужа, который если неимѣетъ достатка содержать евнуховъ и многочисленной прислуги, то иногда, противъ желанія, отправляется въ Мекку для того только, чтобы хотя на нѣкоторое время отдохнуть отъ многосложныхъ своихъ супружескихъ обязанностей».

Не менѣе того занимательно описаніе извѣстнаго намъ весьма лонанія, производимаго въ азіатскихъ баняхъ. «Здѣсь (въ Армянской Области), какъ и во всехъ азіатскихъ баняхъ, моющійся подвергаетъ себя *лманію*; терщикъ перебираетъ все его кости по однакъ, бѣснуется, прыгая по голоу его тѣлу, становится на него руками и ногами, щиплетъ его, бьетъ, хлопаетъ; составы и кости трещатъ; а по окончаніи націентъ чувствуетъ какое-то невыразимое благосостояніе, произ-

«ходящее быть можетъ и отъ удовольствія, «что остался послѣ этой операціи невредимъ.»

Игривый взглядъ г. Шопена на нѣкоторые обычаи, свойственные всемъ восточнымъ народамъ, не пренебрегаетъ однакожъ ему отдавать полную справедливость добрымъ качествамъ описываемыхъ имъ жителей Армянской Области и въ прекрасныхъ словахъ выражаетъ свои надежды на будущность ихъ, надежды, которыя предъ глазами нашими начинаютъ уже оправдываться.

Описавъ свойства и нравы жителей Армянской области, онъ въ заключеніе пишетъ: «Они имѣютъ отличныя умственные дарованія и вообще способны къ достиженію великой степени образованности; они любознательны и наклонны ко всякому доброму дѣлу. Они мстительны, но не жестоки; примѣровъ смертоубійствъ изъ одной корысти очень мало, и книжки употребляются болѣею частію для отомщенія за личныя обиды, по закону: кровь за кровь. Лѣность, главная ихъ наклонность, происходящая отъ жаркаго климата, приковываетъ ихъ къ тѣмъ недостаткамъ, коимъ она служитъ матерью. Съ достовѣрностію можно полагать, что въ херошемъ и дурномъ,—жители вообще Азии нисколько не измѣнились со времени Александра Македонскаго, и, вѣроятно, они останутся въ одинаковомъ неподвижномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока новое образованіе не укажетъ имъ новый понятія и новый мѣръ нравственный. Счастливое событіе, распространившее владычество Россіи до горъ Араратскихъ, конечно, приблизитъ это время для жителей Армянской Области и, быть можетъ, менѣе нежели въ полстолѣтія, картина эта, съ натуры списанная, до того будетъ ниже оригинала, что будущіе жители Арменіи, которые вздумаютъ взглянуть въ этотъ памятникъ, воскликнутъ въ недоумѣніи: могло ли это быть?! и благословятъ въ теплыхъ моленіяхъ правительство, исторгнувшее ихъ изъ оковъ вѣковой неподвижности».

Приведа эти немногія выписки изъ книги г. Шопена, которыя взяты нами на удачу, мы надеемся, что онъ возбудитъ желаніе короче ознакомиться съ этимъ полезнымъ и занимательнымъ сочиненіемъ и что такимъ образомъ исполнится благонамѣренная цѣль автора, желающаго, чтобы оно могло служить указателемъ будущимъ его преемникамъ на поприще службы въ здѣшнемъ Краѣ. Онъ убѣжденъ, и мы раздѣляемъ его убѣжденіе, что если бы каждая изъ Россійскихъ губерній была описана съ подобною подробностію, то удобное и легкое изученіе мѣстными чиновниками состоянія Края, порученнаго имъ управленію, и быта народоу, вѣрренныхъ ихъ начальству, весьма облегчилось бы ихъ труды и доставило бы службѣ вообще очень много выгоды.

Выше сего мы видели, что Гг. Академики, разсматривавшіе книгу г. Шопена, изложили мнѣніе, согласное съ этимъ заключеніемъ; намъ же остается только присовокупить, что Академія Наукъ удостоила эту книгу половиною Демидовской преміи, и что сверхъ того сдѣлано денежное пособіе на изданіе въ свѣтъ самой книги.

Д.—Членъ Об. П. Дюргаси.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу слѣдующія книги:
1) Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка 1. Тифлисъ 1852 г. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

2) Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху присоединенія ея къ Россійской Имперіи, И. Шопена, увѣчанное половиною Демидовскою премією и отпускомъ, сверхъ того пособія на изданіе. 1852 г. Цѣна 5 руб. сер.

3) Изложеніе началъ Мусульманскаго законодѣнія, Н. Торнау, напечатанное на счетъ казны, въ типографіи П. Отдѣленія собственности Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1851 г. Цѣна 5 руб. сер.

Все эти три книги можно получать въ Библиотекѣ Отдѣла, а иногородные гг. Члены могутъ адресоваться о томъ въ Канцелярію Отдѣла.

Завѣдовавъ нѣсколько лѣтъ публичною Библиотекою при Канцеляріи Намѣстника и устроивъ Тифлискую Публичную Библиотеку, я имѣлъ случай ознакомиться съ книжнымъ дѣломъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ неоднократными приглашеніями книгопродавцевъ съ одной стороны, а съ другой недостатокъ въ книгахъ и всеобщая въ оныхъ потребность при безпрестанно увеличивающемся стремленіи къ развитію любознательности во всемъ краѣ, побудили меня предпринять устройство здѣсь правильной книжной торговли. Но не желая подвергнуться случайностямъ, не убѣдившись предварительнымъ опытомъ, что подобнаго рода предпріятіе можетъ имѣть успѣхъ, и желая основательно въ томъ удостовѣриться, я рѣшился на первый случай, въ видѣ опыта, открыть здѣсь книжное комиссіонерство съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ успѣха превратить эту контору Комиссіонерства въ настоящую книжную лавку. Получивъ нѣтъ разрѣшеніе на это Его Святлости Князя Намѣстника, я рѣшился немедленно приступить къ открытію Конторы книжнаго Комиссіонерства, и съ этою цѣлю честь имѣю объявить читающей публикѣ Тифлиса и всего Закавказья, что я принимаю на себя всякаго рода заказы касательно выписки книгъ ученыхъ и легкаго чтенія, музыкальныхъ пьесъ и нетъ, географическихъ картъ, дѣтскихъ книгъ и проч., какія только дозволены цензурою на всевозможныхъ языкахъ, и обычаю исполнять все требованія возможности скоро и со всею надлежащею аккуратностію. Гг. Тифлискіе жители и иногородные, которые удостоятъ меня своимъ довѣріемъ, благоволятъ адресоваться прямо ко мнѣ, или лично или письменно, по слѣдующему адресу: «Его Высокоблагородію, Гаврилу Александровичу Токареву. Въ Тифлисъ, въ Канцелярію Намѣстника». Квартира же моя находится на Комендантской улицѣ, въ домѣ Подполковницы Алинской, занимаемомъ Кавказскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Надворный Совѣтъ. ТОКАРЕВЪ,
Дѣйствительный членъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства,
Дѣйствительный членъ и библиотечкарь Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПРИБЫЛИ: Февраля 4-го: изъ Москвы Коллежскій Совѣтникъ *Зелькель*, 3-го: изъ Ставрополя Штабсъ-Капитанъ *Ермоловъ*, изъ Ставрополя Статскій Совѣтникъ *Крузенштернъ*, изъ С. Петербурга Штабсъ-Капитанъ Баронъ *Савенъ*.

ВЫЪХАЛИ: Февраля 4-го: на Царскіе Колодцы Генераль-Маіоръ *Чаплицъ*, въ С. Петербургъ Полковникъ *Ходзько*, 3-го: въ Ставрополь Генераль-Лейтенантъ *Азаматъ-Гирей*, 6-го: въ Горію Штабсъ-Капитанъ Князь *Краноткинъ*, въ Шушу Штабсъ-Капитанъ *Яну*.

Къ этому № слѣд. прилож.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.